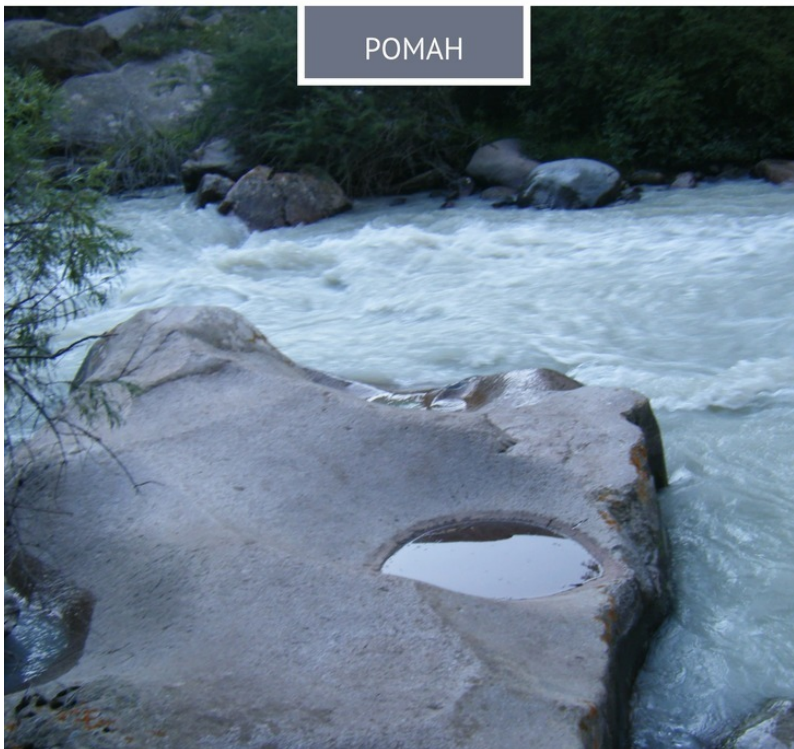

ЛИЛИЯ БУРЯК

Александра

РОМАН

Лилия Буряк Александра. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576413

ISBN 9785448397707

Аннотация

Это история о далёких временах прошлого века. О любви во всех её проявлениях, о людях, сильных духом и готовых на любые жертвы ради любимых. Она происходит в прошлом веке, когда Россия вспыхнула и загорелась братоубийственным конфликтом. Я постаралась показать, как меняются люди в зависимости от условий окружающей среды. И всё это через любовь двух юных особ, которые выросли на протяжении всей истории.

Содержание

Сатурмины	5
1	5
2	9
3	12
4	17
Наваждение	21
1	21
2	24
3	26
4	31
Свет	37
1	37
2	41
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александра Роман

Лилия Буряк

© Лилия Буряк, 2017

ISBN 978-5-4483-9770-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сатурмины

1

Илларион Михайлович был из потомственных дворян, – знатного и уважаемого рода Сатурминых. В Самарскую губернию переехал ещё его прадед. Ходят семейные придания, что тот был лично знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным, и со всеми декабристами, но не сошёлся в некоторых аспектах. И перед самым восстанием выехал с семьёй в провинцию. Где и доказывал на протяжении жизни, что можно решать проблемы иным путём. Хотя без участия, опальных друзей не оставлял. Писал ходатайства к царю, не раз встречался лично, призывая к милосердию и состраданию. Что, в конце концов, всё же возымело результат. (Многие были помилованы.)

Уже третье поколение рода было привязано к земле. Делая всё возможное, – чтобы жить, стало лучше, жить стало веселей. В Самаре открыли школу, где многие предметы вели сами именитые владельцы. Открылась городская библиотека, куда большинство книг закупили Сатурмины. И где ими был открыт фонд для закупки новых изданий. Местный университет предоставлял всяческие услуги для поддержания идей знатного семейства, хотя и не всегда целиком и пол-

ностью одобрял. Но большинство работ признавала мировая общественность и ничего не оставалось, как только поддерживать и рукоплескать. А впрочем, это было делать несложно, так как никаких затрат не несло.

На каком-то генном уровне, каждое поколение мужчин этого рода отличала патологическая доброта, благородство, справедливость и нетерпимость к жестокости. Они просто погибали от зла, потому что не могли противостоять тем же. Среди земляков у них врагов не было. Как можно злиться, — на мягких и отзывчивых людей, готовых бескорыстно помогать каждому.

Хотя глупыми и наивными назвать графов было нельзя. Однажды был случай с дедом. Пришел сосед за помощью, говорит: — «Жена захворала сильно. Как узнала, что обокрала... Всех коней угнали ироды. Так и слегла. Кормить нечем бедных деточек. Помоги Михаил Дементьевич, чем можешь, помоги». Да только у деда информация уже другая была... Угнал врунишка табун на дальние луга, подальше от глаз, спрятал...

А граф воспитан великодушным, не может вот так в лицо соседа обличить. Грубо это, не по божески. Он ему мягко так говорит: — «Трудное на тебя бремя свалилось Потап. Я тут по растратился немного, на нужды сельчан. Много дать не могу, да и время надобно, чтоб собрать хотя бы это кое-что, они в деле вертятся. Так ты помоги мне с работой, а я как соберу, тут же и выделю тебе нужную сумму». В начале,

сосед вроде бы и согласился, походил за дедом пару дней. Да только не выдержал ни объёма, ни темпа работы. Ни того, что соседи пальцем тычут. Повинился. И больше охочих до дармовщинки не встречалось.

В имении графа Сатурмина крестьянам жилось вольно. При приходе имелась школа. Крестьянские дети все обучались грамоте и любому на выбор мастерству. А если были к наукам способные, хозяева отправляли на обучение в более достойные заведения, с выплатой стипендии. Так что были и такие, что выходили в люди. И семейство их не оставляло. Из таких было большинство преподавателей здешней школы. Были и врачи, и мастеровые. Так что крестьяне не хаяли своего барина. Они его любили...

Сатурмин Илларион Михайлович был почётным членом Питерского Университета. Имел ученую степень по естественным наукам, а вообще он не заикливался на чём-то одном. Ему интересно было во всё сунуть свой нос, и делал это с полной самоотдачей. Даже в юриспруденции с ним считались. Он буквально кого-нибудь спасал от смерти, не страшась за последствия. И ему это шло с рук...

Так в доме появилась Настюха. В тысяча девятьсот четырнадцатом, её жениха забрали на фронт, он кузнецом отменным слыл. А на неё положил глаз пожилой купец Иванников. Родители вроде бы и по перечили сперва не много, да всё же сдались. Стали, готовится к свадьбе. На ту беду жениха с фронта на побывку отпустили, за боевые заслуги. Что

тут было... Иванников с жалобой в суд. А Сатурмин кулаком по столу: – «Вы что над героями расправу чинить вздумали? Сидите, штаны протираете, пороха не нюхали. Армию обескровить вздумали. Не сметь...» И не посмели. Настюха замуж за Егора вышла, и с тех пор жила в доме у заступника. А Егор обратно на фронт ушёл. Родину защищать от интервентов.

Ещё была одна достопримечательность города, это удивительный яблоневоый сад. Где росли такие сорта, что встречались только здесь, так как вездесущий дворянин увлекался селекцией. Ряд деревьев был назван его именем. Были и вообще чудесные. Это, на которых, росли сразу все сорта. Илларион Михайлович доводил всё до абсолютизма, поэтому сад был не только достопримечательностью, но и гордостью города.

2

Осенью, шестнадцатого, где-то ещё в самом её начале, когда в саду ещё пылали цветом, и пьянили ароматом созревающие плоды. В Самаре был проездом некий Владимир Ульянов. Саша случайно застала их в саду с отцом. Мужчины увлечённо спорили.

Чтобы не мешать, она остановилась в стороне и прислонилась к дереву в ожидании. Легкий ветерок изредка доносил отрывки, слишком громко высказанных фраз. Так что напрягаться, чтобы подслушать не было надобности. Отец горячился. Лысоватый мужичок подзадоривал, но было заметно, что каждый оставался при своём мнении.

– «Террор это не решение проблем, это их усугубление»: выкрикивал отец: – «Во-первых, развалите страну... Во-вторых, погибнет множество ни в чём не повинных людей... Если завести адскую машинку, её уже не остановить. Вам не удастся контролировать процесс... Вы сами же попадёте в туже мясорубку, коль вдруг станете у неё на пути.

Вы представляете, что в первую очередь гибнет тонкая прослойка интеллигенции, без неё прогресс задохнётся, как от отсутствия кислорода. Это вам не Куликово поле, это города, деревни, дома, семьи... Страна откатится в средние века... А в условиях войны это смертельно... Надо быть гениальным политиком, что бы в короткие сроки решить раз-

ногласия в стране, и уладить конфликт, в не. Я такого ещё не встречал». Отец умолк.

Мужичок живенько ухмыльнулся: – «Да, батенька террор это не лучший вариант. Но вы скажите, кто добровольно отдаст бразды правления? Ведь они будут драться батенька, не на жизнь, а на смерть. И мы будем драться. Да потому что, кто же даст шанс узнать другую жизнь, забитому и изнурённому тяжким трудом народу? Кто позаботится о них, бесправных и голодных? Таких как ваше семейство раз, два, три... Декабристы... Светлая им память... А основная масса, самодуры и мракобесы. Любого на плаху отправят, лишь похрусти у ушка купюрой».

Наконец Владимир Ильич сжалился над отцом и примирительно похлопал по плечу: – «Обещаю, что прежде попробуем ваш вариант... Да, позвольте мне чиркнуть вам пару строк на прощание... Я запечатаю их в конверт. Настанет время, вскроете. Может пригодиться. Буду очень рад, с вами ещё свидеться... И вам пора. Дочь заждалась».

Саша услышала последнюю фразу, и решительно шагнула на встречу, зардевшись, как спелое яблоко. Кивнув на приветствие, молча уткнулась в плечо отца. Она с интересом разглядывала присевшего на корточки крепкого интеллигентного мужчину. И ей было грустно оттого, что она случайно услышала. И горько, от отчаянной безысходности, что вдруг нахлынула и перехватила горло.

Ей было шестнадцать, у неё прекрасная, самая лучшая се-

мья. Будущее любое, которое сама пожелает. Никаких заморочек с финансами. А тут вдруг вырисовываются ужасающие перспективы, что как большая акула вынырнула и стремительно устремилась на встречу. От яркого воображения у неё чуть не подкосились ноги. Но рядом стоял сильный и мужественный отец. И Саша ухватилась и повисла на его руке.

Мужичок бодренько поднялся. И по-дружески протянул конверт: – «Поверьте, я хочу только лучшего. Но не возможно, чтобы были волки сыты, и овцы целы».

3

Дома суетилась мама с Ташей, сервируя праздничный стол. Сегодня обещала приехать кузина с мужем. И все были полны приятных ожиданий. Семейственность у Сатурминых была в большом почёте. Светлана, это единственная племянница отца. Правда ходили слухи, что тётя в приятном положении, и поэтому выехала в Швейцарию с дядей, где спокойно; и благоприятный климат.

А Светка она вполне самостоятельная дама. К тому же замужняя... Эта искромётная всеми обожаемая особа. Которая, так и расплескивалась юмором и положительными эмоциями. Саша восторгалась ей. И не понимала, как же удаётся этой милой хрупкой женщине быть такой безудержно счастливой. Они не виделись пару месяцев. Но казалось, что её не было гораздо больше. Потому что все просто безумно соскучились. И вот она наконец, позвонила и сообщила что приезжает. На сердце стало тепло и уютно.

Комнату для гостей, с особой тщательностью прогенералили, и привели в готовность. Букет ярких астр только что срезали и поставили на туалетный столик. Там же пристроились некоторые из подарков, которые хранились до её приезда. И теперь торжественно расположились перед вазой с осенним животрепещущим букетом. Саша положила недавно вышедший сборник стихов Цветаевой – « Волшеб-

ный фонарь». И она точно знала, что Светлана будет ёму рада. Потому что такая же патриотка, как и весь их род. А стихи этой поэтессы так и взрывали, мозг, нервы, душу:

***

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,

– Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Она в предвкушении вздохнула: – «Ну, когда же? ...
Как же тяжелы минуты ожидания».

Солнце, чуточку задержавшись в зените, неудержимо за-
скользило к горизонту. И тут у ворот затарахтело и с шу-
мом остановилось авто. Семья будто по команде высыпала
на улицу. Стремясь получить свою порцию счастья.

Светка была одета по последней моде и даже в дорож-
ном одеянии выглядела, как только что с бала. Они жили
в Москве. Муж служил в департаменте внешних связей пере-
водчиком. И как жене высоко ценимого чиновника ей прихо-
дилось быть неотразимой. А её это и не угнетало. Она насла-
ждалась вниманием и роскошью. И даже была близка с цар-
скими детьми. Коих считала очень даже порядочными и об-

разованными людьми с прогрессивными жизненными позициями.

Переодевшись с дороги и умывшись, Светлана с наслаждением наклонилась над пылающим букетом: – «Ах, как же они ароматны... Валера, ты знаешь, мне кажется, что в Москве цветы пахнут по-другому... И воздух здесь чище и приятней... И даже хлеб вкусней и душистей... А вода она как будто мёдом приправлена. Наверно это, потому что родное... Я помню, как в детстве дядька брал нас в деревню. И мы, набегавшись, валились с ног. А он доставал из сумки хлеб и крынку молока. И это была самая вкусная еда, которую мы когда-либо ели. Я так скучаю по всему этому. Правда, же ты не обижаешься?»

Валерий обожал свою супругу. Её детскую непосредственность, открытость, безграничную любовь к жизни... Есть люди, которые с готовностью подставляют плечи под вселенские тяготы и терпеливо, и умиротворённо несут их. Не сетуя и не стремясь стряхнуть. А она из тех, что живёт полной грудью. Наслаждаясь каждой минутой, как будто куда-то спешит, как будто боится чего-то упустить. И он просто отдыхал рядом с ней, от забот и хлопот. И не позволял чему-либо испортить эти моменты. А сейчас он просто подошёл, и обнял её за плечи: – «Милая, всё это точно так. Ведь это вкус и запах детства». – «Валерка ты самый лучший»: вспыхнула она в ответ. И звонко рассмеялась.

Позвали к столу. Они, взялись за руки и отправились

на улицу под навес. Всё семейство Сатурминых с нетерпением ожидало их появления. На столе парил суп рассольник, в хлебных вазах аккуратно уложены только что выпеченные булочки. И несколько видов салата: осенний, оливье, квашеная капуста, и огурчики с грибочками. – «Боже, как же просто и прекрасно»: подумала Светка присаживаясь.

Саша улыбалась, искренно жалея сестру: – «Как же она успевает ещё и есть?» Светкин рот не закрывался, казалось, она собралась рассказать сразу все новости, которые были ей известны. Валерка удовлетворённо взирал на несмолкающую супругу и медленно пережевывал пищу. Лишь иногда в подтверждение, мотая головой, когда та обращалась к нему за помощью. Или что-то мычал типа: – «Мэ-м-м!!!»

Незаметно к концу застолья темп общения, наконец, вошёл в обычное русло. И отец с Валеркой принялись обсуждать возможности и недостатки автомобиля... Какие, марки из известных производителей более прогрессивны... И где, достать запчасти. Как дорого стоит керосин, и что монополисты явно завышают цены.

Пока Настёна убирала со стола, готовясь к чаю. Дамская половина общества сгруппировалась вокруг Светки. Которая тихо, с расстановкой описывала царские палаты, пышные балы, что стали быть реже, но всё же имели место; модные тряпки, заморские новшества в одежде. Вообще всякие мелочи, но столь значимые для помощницы Адама.

К слову пришелся анекдот: – «Змей искуситель сразу же пожалел, что совратил Еву. Потому что та в нём увидела: кошелёк, перчатки, сумочку...»

Когда на стол был поставлен самовар, все вернулись

на свои места. Настя принесла пирог с яблоками и поставила перед Антониной Павловной. Со знаниям дела, хозяйка степенно нарезала, и передавала его по порядку, сидящим... Затем присела сама, с удовольствием наблюдая оживление, царившее среди беседующих.

Светка вдруг спохватилась, и смутившись, зашептала: – «Мы ждём ребёночка».

Илларион Михайлович довольно крикнул: – «С прибавлением».

Антонина Павловна расплылась в предвкушение: – «Светочка, когда ждёте?»

–«Ближе к апрелю»: шептала задохнувшаяся от смущения будущая мама.

Саша оставила взрослых у застолья, незаметно выскользнула. Отправилась на качели. Ей вдруг вспомнился подслушанный разговор, и на душе заскребли кошки. Чтобы не омрачать посиделки, она унесла свою печаль подальше. Мерно раскачиваясь, размышляла: о будущем, о неизбежном, о вселенской несправедливости (что как жадная баба, тянула свои грязные, костлявые руки, к их маленькому семейному счастью). И на душе стало грустно и неудобно.

Наташа была на год младше Александры, но для родителей всегда была маленькой. И её окружали безмерной заботой. Затем, как Саша уже давно считалась взрослой. Но это не мешало быть им лучшими подругами. И от Таши не ускользнула перемена настроения сестры. И то, как по-

спешно она покидала пределы стола.

Последовав за ней, остановилась поблизости, и тяжело дыша, спросила: – «Саша, ты чего? На тебе лица нет. Что тебя смущает? Что напугало? Ты же напугана... Сашенька ты вся дрожишь». Уже присаживаясь рядом и обнимая поникшие плечи сестры, шептала она настороженно: – «Саша, милая не пугай меня, расскажи, что с тобой? Я тебя никогда такой не видела».

Александра вздохнула и наконец, взглянула на сестру: – «Таша, понимаешь, просто на меня навалились некие дурные предчувствия... Война. Уже который год. Смута, вокруг. Тризна, звонит каждый день, оплакивая погибших. И мы с нашим безмерным счастьем. Как будто нас это не касается. А вдруг это в последний раз? Вдруг это всё исчезнет?» Саша закончила монолог и испуганно взглянула на оторопевшую сестрёнку...

Наташка всхлипнула и расплакалась. Теперь пришлось обнять её, и легонько покачиваясь успокаивать: – «Таша брось, право. Это же только наваждение. Я же не хотела, милая. Успокойся. Я тебя люблю». Наташа покосилась недоверчиво, но плакать расхотела. Промокнув глаза, доверительно прижалась к Саше: – «Я тебя тоже очень, очень люблю... Но ты больше не пугай меня подобными разговорами».

Солнце уже касалось лучами края горизонта. По небу поплыли тёмные кучевые облака. Ветер сорвался и закружил по дороге пыль. У стола оживлённо беседовали старшие Са-

турмины. На качели, тихо раскачиваясь, притихли младшие. Настюха спрятавшись за баню, читала книгу, смешно шевеля губами, иногда восторженно моргая глазами. И время от времени тяжело вздыхая... День спешно стремился к своему завершению. Оставляя о себе неоднозначные воспоминания.

Наваждение

1

Дни пролетали, как птица. Гомон, веселье, праздничные застолья. Это так трогательно. Вечерние посиделки у камина. Светкины рассказы о повседневной светской жизни. Её восторженное обожание к царской семье. Иногда слушая это щебетание, Саша ловила себя на мысли, что сама себе того бы не пожелала. А слушала лишь то потому, что это пела любимая канарейка. И она с постоянной готовностью усаживалась и вновь, и вновь продолжала слушать неугомонную сестрёнку. Наваждение не оставило её, оно засело глубоко. Глядя из потаенных уголков души, оно дергала девушку за взбудораженные нервы, и злобно с наслаждением подхихкивала над выползавшими страхами.

В день отъезда сестры, Александра ходила потерянная. Она пыталась изо всех сил взять себя в руки. Но бегающие глаза, трясущиеся пальцы, взмокшие ладони. Они не могли остаться не замеченными. И папа несколько раз подходил к ней, пытаясь поддержать: – «Милая, всё хорошо. Они скоро ещё приедут. Мы всегда будим вместе. И наша любовь, она будет оберегать каждого из нас. Ты же знаешь...»: он многозначительно сделал паузу и продолжил: – «Саша, наша

любовь, она не даст случиться дурному, верь мне». Но последние слова прозвучали как-то не убедительно, он как будто вдруг сам засомневался и в последний момент спохватился и выровнял голос... Да. Наваждение подъедало и его сердце. И дочь почувствовала, ведь она знала его как никто другой. Они были не только родственниками, но и родственными душами.

Девушка собрала всю волю в кулак и сделала милое, невинное личико: – «Папочка, конечно же, всё будет хорошо. Просто мне грустно. Это не страшно». Отец посмотрел недоверчиво: – «Так у тебя всё в порядке?»

– «Да. У меня все в порядке»: но, немного подумав, добавила: – «Если хочешь, поговорим как-нибудь в другое время»

Часов в десять Валерий выгнал машину за ворота и поставил прогревать мотор. Настёна тщательно укладывала вещи и некоторый провиант, которым Сатурмины щедро поделились с молодыми.

Страна почти три года вела военные действия. Нехватка самого необходимого порой ощущалась даже в провинции. Что же говорить о городах. А профессор неплохо обращался с огородом, – овощи были своими. Большую корзину отборных яблок и пару мешков муки, да так всего понемногу. Надо было всё-таки рассчитывать на выносливость железного коня.

Светлана прощалась, как всегда шумно и эмоционально.

И все улыбались, и даже смеялись. Потому что в этот момент она умудрилась вспомнить анекдот и рассказывала его, используя артистично мимику и жесты: – «Учитель спрашивает ученика: – «Жорж? Тебя часто наказывают дома? Нет, сер. У нас девять детей. И когда очередь доходит до меня. Отец уже не в силах этого сделать»». Наконец Валера не терпеливо открыл дверцу и указал на часы: – «Надо добраться засветло... А солнце не стоит на месте».

Авто недовольно фыркнуло и легко заскользило по дороге. Светка, покуда было видно, махала им на прощанье маленькой изящной ручкой. А Сатурмины стояли, столпившись вокруг отца. Прижимаясь, друг к другу, махали ей в ответ.

2

Начинались будни. Намеченные планы были уплотнены из-за приезда гостей. И теперь придётся попотеть. Но это не угнетало, это радовало. Ведь то не было рутинным делом. Это творческая работа. И она несла удовлетворение.

Илларион Михайлович, не заходя домой, отправился в мастерские. Его заждались. Пару раз на недели прибегали потолковать. Ребята были сообразительные, Кулибины Самарской губернии, и в основном справлялись сами. Но проект то был отца, потому он интересовал его и манил к себе.

Они собирали машины, и технику, для сельхоз работ. Выходило не плохо, несколько экспериментальных экземпляров, уже не первый год успешно использовались в деле. Но профессор был не удовлетворён. А вот новые модификации, кажется, приносили, ожидаемый результат. И потому дома никто не удивился его спешному уходу.

Саша с Наташей осталась помогать маме. Домашние дела никогда не заканчивались. Слуг не держали. Настёна была исключением, но она была как родной. И работа делилась на всех. Правда ей за то ещё полагалась и зарплата.

Пару раз в месяц, из деревни приезжал управляющий и привозил в помощь своих детишек. Это было весело и плодотворно. Иногда приходили в гости школяры, которые не прочь, были помочь. А за то их кормили и помога-

ли в учёбе. Вообще Сатурмины не надрывались и управлялись без слуг. Времени хватало на всё, что задумывали. Эта замечательная привычка планировать, была как палочка выручалочка. И жизнь захватывала дух.

Антонине Павловне уже шёл четвертый десяток. Но выглядела она молодо. Так выглядят женщины, которых любят и понимают. Открытые темно карие глаза; соболи брови в разлёт; толстая русая коса; и стать, – величественная, полная достоинства и жизни. В школе она преподавала литературу, историю и музыку.

Ещё до замужества окончила Самарский университет, факультет филологии. Там они и познакомились, с молодым тогда уже успешным профессором. Любовь была быстрой и взаимной.

Илларион Михайлович, как-то столкнувшись с ней в аудитории, застыл на несколько секунд, смотря прямо в глаза, а затем очнулся, вежливо отвёл в сторону и сделал предложение. Она не смогла даже открыть рта от удивления. А он засмеялся и прошептал на ушко: – «Пообещайте подумать».

Свадьбу играли уже через месяц. И вот двадцать лет горело это чувство, согревая их семейное гнёздышко. Наполняя счастьем. Она не переставала удивляться и восхищаться им. А он ради неё был готов на любое безумство...

3

В ярмарочный день Саша с отцом отправились на рынок. Надо было свезти излишки зерна на продажу, овощи, фрукты. Да и закупиться кое-чем, что сами не производили. Всё было уложено в емкую железную телегу, что легко катила машина. Машина и была новым проектом профессора. Она ещё сверкала свежей краской, и пахла кожаным салуном. Александра сидела рядом, и чувство гордости переполняло душу: – «Да, её отец, он лучше всех, он всё сможет, за чтобы не взялся. И он такой мягкий и добрый». Она восхищённо взглянула на него. Он поймал взгляд и озорно, как мальчишка подмигнул. Девушка не выдержала и звонко рассмеялась, и они громко тарахтя подкатали к складам.

В начале, опустошили телегу, лишь затем, оставив машину под присмотром местного мальчугана, отправились бродить по рядам, делая закупки... Да и просто приятно поглазеть было. Славится Русская земля ремесленниками... Они ходили от ряда к ряду, и восхищались, как дети.

Отец, заметив как дочь замерла около лотка с шальями, большими, цветастыми с золотистой бахромой по краям. Хихикнул: – «Девочка моя, а не купить ли нам „такие“ вам всем? Выбери сама на свой вкус». И Саша не заставила ждать...

Накупили различных тканей... Атласных, разноцветных

лент... Новые свежекатаные валенки. Нарядные шерстяные носки и варежки. Красивую цветастую скатерть с кисточками. Покружили, по рядам с посудой. И там выбрали чайный сервиз – ажурный, с золотой каёмочкой, с крупными цветами лилий. Отец тут же, это уносил и тщательно укладывал в телегу.

Время летело незаметно, но всё же легкая усталость начинала ощущаться. И Саша уже чуть медленней передвигалась, подолгу задерживаясь, тщательней разглядывая понравившиеся изделия.

Наконец Илларион Михайлович предложил: – «Кроха, может пора до дому? Пойдём, купим что-нибудь вкусненькое, и домой. Мама с Ташкой наверно места не находят от страха, что мы с тобой, как заядлые игроки все деньги спустим». Кроха с готовностью согласилась.

Пробираясь через толпу к сладкому королевству, Саша оказалась проворней и пока отец ещё добирался, уже стояла, присматривая приглянувшийся соблазн.

Граф был высок и широкоплеч. Сильные выдавшие виды руки были жилисты и мозолисты. Одет просто, но со вкусом. Антонина Павловна следила, чтобы муж выглядел подобающим образом. Копна русых волос растрепалась, и пышный волнистый чуб упал на широкий лоб. Подняв пятерню, он запустил её привычным движеньем в волосы, стремясь уложить на место. И нечаянно задел кого-то рядом толпящегося. Развернувшись чтобы извиниться, приятно удивился: –

«Ба, какие люди. Лев Прохорович. Рад нашей встрече, какой ветер вас сюда занёс?»

– «Да тот же наверно что и вас, сударь Илларион Михайлович. Я тоже рад встрече»: кряхтя и потирая ушибленное место, выговаривал потерпевший: – «Всё также силен и неловок. Или я для тебя слишком мал и незаметен?»: фыркал он от удовольствия. Это был сосед по имению. Коренастый полноватый мужичок, среднего роста. Его густые волосы были тщательно со вкусом уложены. Кашемировое дорожное пальто пахло французскими духами. Весёлые светло-серые глаза искрились счастьем.

На самом деле их пути пересекались очень часто. Они неплохо ладили, и с удовольствием поддерживали дружеские отношения. Хотя и отличались, как небо и вода. Лев Прохорович был холеным барчуком и отъявленным романтиком, любившим жизнь и не стеснявшийся брать от неё по полным счетам. Но новое его не пугало, он от природы был пытливым умом и любопытен, и с удовольствием общался с профессором, ища совета в ведении хозяйства, да и так по мелочам. Не прочь был сам иногда поиграть в попирателя непреложных устоев. Неплохо рисовал, писал замечательные лирические стихи, кои вышли отдельным изящным томиком, в именитом столичном издательстве.

Всё ещё потирая ушибленное место, он продолжал: – «Слышал, приехал на авто? Хвастунишка, а как же я? Ты, что же меня не посветил в свои планы? Может, я бы то-

же приобрел?» Ворчал он обиженно. Граф примирительно хмыкнул: – «Не зюзи, Лев Прохорович. Это в моих мастерских сделано. Пожелаешь, следующий твой». И тут же заинтересованно подхватив того под руку, устремился поближе к дочери. Наконец прорвавшись через сплошной поток зевак, остановился поблизости: – «Ты знаешь, у меня и новый трактор есть, со всем вспомогательным набором. Заходи на недели продемонстрирую... Да, ладно обо мне... Расскажи, что нового у вас? Как твои рысаки? Множатся? ...Я бы не прочь приобрести у тебя обьезженную кобылку. Для Саша. Подарок к совершеннолетию».

Сосед довольно расцвёл: – «Да, да, может и найдётся... И два жеребца тоже найдутся в придачу... Дочки также хороши, как и Антонина? Давненько я их не видал. Ещё с прошлого лета или позапрошлого? ...Я здесь со своими сорванцами»: он махнул в сторону конного ряда.

– «Коней, вывел что ли?»: уточнил граф.

– «Да нет сына, с племянником. Вон у загонов отираются»: приснул от удачной шутки сосед.

В тот же момент, как будто почуяв, что разговор о них, сквозь толпу протиснулись два молодцеватых барчука.

Столкнувшись с собеседниками, вежливо благовоспитанно поздоровались.

Лев Прохорович представил: – «Это»: указывая на высокого шатена: – «Мой племянник из Швейцарии, Андрей. А этот»: махнув в сторону паяца с трудом стоящего на ме-

сте: – «Моя неповторимая копия. Сын, Павел».

Профессор улыбнулся в ответ на представление, мягко и немного смущенно: – «Послушай, как же они выросли. Мы виделись прошлым летом. А они так изменились, вытянулись, возмужали... А мы с Александрой собирались уже до дому. За сладостями вот дело осталось»: он окликнул дочь.

Саша, слышав голос отца, обернулась. И возмутилась от неожиданности, встретившись сразу со столь заинтересованной аудиторией. Отец довольно улыбнулся, оценивая впечатление, что девушка произвела видом. Она быстро подошла поприветствовать, а сделав это, спряталась за его широкую спину. Ещё немного поболтав из вежливости. Разошлись.

Дома их действительно ждали. Мама беспокоилась и часто посылала Наташу глянуть на дорогу, не едут ли гулёны. И сама, то и дело выглядывала в окно. И когда Таша заскочила с возгласами: – «Едут, едут». Вместе с Настённой выбежала навстречу.

Илларион Михайлович виновато улыбался. Когда мотор, всхлипнув, заглох во дворе у крыльца, соскочил и ловко подхватил жену на руки. – «Милая, я так скучал. Мне так тебя не хватало. Всё это время, я считал каждую секунду, и они тяжело давили на мои плечи. Твой дивный аромат вернул меня к жизни».

Антонина высвободилась и наигранно сердито взглянула на мужа: – «А может быть, вы сударь испугались трёпки. И это вас вернуло к жизни». Оценив оригинальность игры, все дружно захохотали.

Покупки тут же перекечевали по местам. Телега опустела. Обедать сели малость припозднившись. Но зато в приподнятом настроении. Подарки пришлись по вкусу. И каждый спешил поделиться впечатлениями.

Настю взяла оторопь, она просто молчала, а потом всхлипнула и разревелась. Ей подарки понравились, но неслыханная доброта господ, иногда заставляла врасплох. Хозяйка терпеливо успокаивала растроганную девушку: – «

Настенька, полно те. Всё так и должно быть. Ты же нам как родная. Мы тебя любим. И ты нам очень помогаешь, позволяй быть хоть немного благодарными». Девушка быстро пришла в себя от её слов. И виновато улыбнулась.

Послеобеденное время, каждый был волен проводить, как ему заблагорассудится. И девочки уединились в спальне.

Таша доставала сестру: – «Саша, ну расскажи, что ты интересное видела на рынке? Это не честно. Я сижу почти постоянно дома между тем, как ты постоянно с отцом куда-то уходишь. А потом ещё и не желаешь, со мной делится впечатлениями». Саша виновато улыбнулась: – «Таша, я так устала. Хочешь в следующий раз, ты поедешь с папой? Я не против. Солнышко моё, только не дуйся... Ну ладно, ладно, слушай... Народу сегодня было, как всегда много. Товару, – глаза разбегаются... Мы с отцом по рядам то, сначала поглазеть пошли. А папа говорит: – «Слушай милая, давай купим подарков домашним». Вот мы и набрались...

– «Да, ты помнишь?»: немного задумавшись, сменила она тему: – «Когда мы прошлым летом с отцом в поместье ездили, повстречали соседа, Льва Прохоровича с мальчишками. Сегодня мы его тоже встретили, они с ним и теперь были... Повзрослели, вытянулись. Только как-то странно на меня пялились, как что увидели не то. Достаточно?» Саша потянулась, укуталась в плед и закрыла глаза. Вскоре послышалось тихое, умиротворенное посапывание.

Наталья была довольна и тем. Полежав ещё чуточку с на-

слаждением нежась в послеобеденном томлении. Затем соскочила, и побежала в зал, желая получить информацию из другого источника. И была права. Илларион Михайлович с удовольствием рассказывал о сегодняшнем променаде притихшим на диване дамам. Расположившись, напротив, в кресле.

Таша подошла и тихонько примостилась около матери. Отец был не плохим рассказчиком. И все с удовольствием смеялись над подмеченными им картинками бытовых курьёзов: – «Прохожу это я мимо мясного павильона, а там; шум, гам. Смотрю, дворняга удирает на трёх... Связку сосисок намотала на шею, как бусы. И испуганно таращась, бежит, так быстро на сколь позволяет положение. А за ней жирнющий мясник бежит, ругается, как колобок катится. А та раз в толпу шмыгнула и затерялась... Мясник постоял, поохал, а дальше за ней не последовал. Непомерный труд понимаете ли...

...Коней не плохих вывели. И цены божеские... В скорняжном ряду видел дохи. Надо бы прикупить вам. Сходим завтра, милая, всей семьей. Малышки то повыврастали. Пора и о приданом подумать. А то будем, потом локти кусать...

Сегодня на Александру так соседские барчуки смотрели. Видно уж очень она их впечатлила. Да и Лев Прохорович интересовался нашими девочками. Слушай»: обращаясь теперь только к жене, он вдруг удивленно заметил: – « Милая, а Саши то уже восемнадцатый пошел. Ташенька, тебе шест-

надцать?»

Наташа обидчиво надула губки: – «Па, почему Саше семнадцатый пошел? А мне шестнадцать... Мне семнадцатый пошел. Мы же погодки».

Отец примирительно улыбнулся: – «Ладно, ладно. Сдаюсь». Все тихо рассмеялись.

...Саша спала беспокойно. Сегодняшние впечатления не смогли развеять тревожные мысли. И наваждение полно завладела душой, терзая и мучая. Отец не рассказывал дома того, что могло бы расстроить женщин. Он щадил их. А Саша... От неё же ничего не ускользнёт. Она со своим пытливым умом подметит сама, с этим ничего не поделаешь. Но она всё держит в сердце. Такой уж у неё не детский характер.

Сегодня была и другая сторона реалии: – «Голпа нищих, калек. Обозы раненных, – следующих в госпиталь. Тризна на заутренней. Рекруты, – бредущие обреченно под присмотром бойких офицеров». И теперь, когда ничто не препятствовало полету мысли. Наваждение заползло как едкий дым в сновидение и измывалось над бедной девушкой.

Снились милые родные лица. Смеющиеся добрые глаза отца. Мамины мягкие, тёплые руки. Таша, кружилась, – хвастаясь обновками. Настённа настороженно поглядывала в окно. И Саша, взглянув на неё, посмотрела, что же её так напугало. И ужаснулась. По небу плыли клубы чёрного дыма, они плотной пеленой подёрнули солнце. А горизонт гроз-

но лизали яркие языки пламени. В доме стало душно. Александра перевела взгляд на родных и оторопела. Мама с Ташей бездыханно лежали на диванчике. Отец в отчаяние сидел на кресле и обречённо покачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками. Настя, как статуя замерла у стены. Саша кинулась к маме, к сестре – тормоша то одну, то другую. Прикладываясь к груди, прислушиваясь к звукам сердца. Но оно молчало. Девушка вскрикнула в ужасе и проснулась. Холодная испарина покрыла лоб. Руки лихорадочно тряслись.

В дверь постучался и вошёл отец: – «Сашенька, так ты..., что поговоришь со мной?» Она вздохнула и мотнула головой. Он подошел и присел возле. Обхватив её крепкими руками: – «Ну-с, с чего начнём?»

– «Па, я кое-что всё же слышала, когда вы разговаривали в саду. Понимаешь, ветер... Да и вы говорили громко. Па, если это случится? Что с нами будет? Я боюсь... Нет, не за себя. Я боюсь потерять вас. Я очень вас всех люблю. Я не хочу того... Скорей бы закончилась война... Я хочу, чтобы люди стали добрей. Я хочу, чтобы разум всегда торжествовал... Па, прости меня»: она умолкла и прижалась к отцу. Он тоже молчал. На некоторое время в воздухе повисла, звенящая тишина. Отец заговорил не сразу, и голос его Сашу насторожил.

– «Кроха, я тоже боюсь. Но некоторые события они не зависят от нас. Но даже в смутные времена, можно оставать-

ся людьми и быть счастливыми... Покуда мы рядом Саша, кто может помешать нам, быть счастливыми? Наслаждайся тем милая. Впитывай всем сердцем этот свет, это тепло. И оно даст тебе сил в дни испытаний. И молись, чтобы испытания были не сверх меры. А я буду всегда рядом и буду твоей защитой и опорой»: он вновь умолк. И они ещё некоторое время сидели, молча обнявшись. Отец тихо покачивался, как будто укачивая её, поглаживая по спине огромной мозолистой ладонью. И так хотелось, чтобы это продолжалось и продолжалось. И чтобы дурные мысли оказались лишь детскими страхами. А будущее... И Саша вспомнила зловещую картину сна. Вздогнула, и прижалась к отцу ещё крепче.

Свет

1

Что имеем, не ценим, а потерявши плачем... От природы Саша была не слишком разговорчива. Лишнего слова зря не скажет. Любила читать, думать и размышлять. Часами просиживала, уединившись в кабинете отца. Но после памятного разговора. Её будто подменили. Она вдруг разом повзрослела, стала внимательна и терпелива. Всё чаще оставалась дома, помогала по мелочам маме, возилась с Ташей. Поддерживая любой разговор, откликаясь на любое предложение общения. Она поняла, что время не пощадит, и то, что так ей дорого, может безвозвратно исчезнуть. И поменяла приоритеты. Отец её понял, и шёл на поводу. Хотя не мог привыкнуть, обходится без своего секретаря, но быстро нашел замену среди подмастерьев.

Осень, недолго побаловала своим теплом. ...Вскоре потянулись серые дождевые облака и мелкий холодный дождь забарабанил по крышам. По утрам подмораживало. А ветер, налетев, стал срывать с деревьев посеревшую листву. Из труб потянулся легкий дымок.

Илларион Михайлович слыл рачительным хозяином, и для встречи холодов у него имелись и дрова, и уголь, на два

года вперёд. А кладовая наполнена запасами провианта. Так что приход зимы их не пугал. А у природы нет плохой погоды. И эта промозглая сырость имела приятные стороны, когда в доме тепло, светло и рядом вся семья.

По вечерам в зале разводили камин, располагались вблизи друг друга, время, от времени обмениваясь мыслями или просто взглядом. Даже если Саша читала, она сразу же отрывалась от книги, заслышав своё имя. Мама вязала, а Наташа сидела рядом, делая зарисовки в альбом. У неё это получалось изумительно.

Саша тоже рисовала, но её картины не были столь радужными, сколь это выходило у Таши. Она не зря называла сестру Солнышком. Её виденья мира, её отношения к ближним, это вера в лучшее, грело как солнышко летом. Александра знала, что Наташа больше чем сестра, она понимала, что если их разлучить, то ей будет просто нечем дышать. И всё чаще ловила себя на том, что даже читая, наблюдает, как та увлеченно управляет карандашом. А перед сном они долго разговаривали обо всём потаенном души. Только никогда о наваждении. Саша спрятала эту тему за большим амбарным замком. Испугалась, что заблудившись в своих чувствах, упустит самое главное и важное.

В октябре полетели с неба первые белые мухи. Однажды вечером Наташа заскочила с улицы раскрасневшаяся радостная: – «Саша, Сашенька пойдём со мной. Сашенька это первый снег. Смотри, какой он пушистый, большой. И каждая

снежинка имеет свой рисунок».

Ветра не было и снег, медленно кружась, степенно ложился на промокшую подмороженную землю. Саша не заставила себя ждать. Накинув шаль, выскочила следом за сестрой, и теперь стояла раскинув руки, ловила и рассматривала снежинки. А те, блеснув недолгой красотой, таяли, превращаясь в мелкие лужицы. Ах, как же хорошо, вот так радоваться каждой мелочи. Она повернулась к Таше и благодарно улыбнулась: – «Спасибо тебе, Кроха». Та засмеялась и подхватив сестру закружилась по двору бурно выражая свой восторг.

На следующий день улицы нельзя было узнать. Снег лежал, влажный и пушистый, искрясь и переливаясь в лучах солнца. Местная детвора играла в снежки, лепила снеговиков и каталась на санках.

Придя с занятий. (Саша училась в университете.) Увидела, что сестра тоже не теряла времени зря. У ворот стоял свеженький, статненький снеговичок. С ведром на голове и морковкой, – вместо носа; угольками, – вместо глаз. Подойдя к нему, сняла рукавицы, похлопала по округлым бокам: – «Холодный!». Удивительно, но сейчас ей доставляло удовольствие любое ощущение реальности. Нерешительно потоптавшись, зашагала к дому.

Училась Саша на языковеда, и это был заключительный год. Учёба давалась легко. Она владела тремя и с лёгкостью читала ещё на нескольких. Была лучшей, и иногда её приглашали на переговоры в учреждения в случае затруднения

общения. Или по потребности перевода документа. Она бралась ради практики. Но основная практика была в школе. Там она преподавала немецкий и французский, а вот английский был не востребован. И по случаю, Саша откликнулась на предложения. Ей неплохо платили, а она тратила всё на подарки родным. Что доставляло немалое удовольствие.

Дни полетели стремительно, Александра чувствовала, что что-то ускользает. Но старалась об этом не думать. А просто пыталась жить и чувствовать.

Светлана не обманула, они с Валерием вернулись к ноябрю. Её животик выпирал и приятно будоражил воображение. Ребёночек пинался и вёл себя довольно беспокойно. Но перемены были не только в фигуре сестры. Она вдруг стала мягкой и чувствительной. Хотя и оставалась всё той же восторженной и шумной.

Дом закружился, завертелся вокруг гостей, как и прежде. Вместе с хлопотами неся удовлетворения. Саша заметила, что размякла рядом с кухней, поддаваясь новому настроению, но как всегда не противилась, а наслаждалась.

В этот раз, Валерий привёз коллеге заказ на перевод текста научной статьи из английского периодического издания. Текст был объёмным и пестрел сложными терминами. Саша быстро разобралась, что к чему. Так что переводом занималась, между прочим.

Валера извинялся: – «Сашенька, я глянул, а там сплошная химия. Прости, сразу подумал о тебе. Во-первых яблоко от яблони далеко не падает, а во-вторых при случае можно Иллариона Михайловича выспросить. Только ты и справишься... Я сразу сдался, научные труды не по мне».

Саша улыбалась: – «Да полно вам сударь. Вы мне льстите. Но я вам очень благодарна, и за то и за другое». И они расхохотались

Седьмого ноября у Светки был День рождения, и этот раз она его хотела провести в узком кругу. Сатурмин старший смеялся: – «Светлана, ты совсем не похожа на себя. Что с твоей потребностью во многолюдье и веселье?». Она, не заставляя себя ждать, парировала: – «Ну, бросьте дядя, я не изменяю себе. У меня просто большие планы на вас. Мы и с вами неплохо пошумим».

В тот день утро началось для Сатурминых далеко засветло. Настя с мамой шуршала на кухне. Откуда тянулись возбуждающие ароматы. А Саша с Ташой порхали по дому, придавая ему праздничный вид. Илларион Михайлович топил печь, чистил двор. И иногда крутился на кухне, помогая жене. Химик любил экспериментировать с продуктами, а Антонина была не против. Да и лишним не бывало время проводимое вместе. Оно наполняло смыслом само существование.

– «Милый. Ты берёшь руководство над гусем, – общипать, разделать и замариновать; и фаршем, – перекрутить. А мы с Настёной по колдуем над сдобой. Тесто требует особого отношения и настроения. А у нас важный день, всё должно быть идеально»: ворковала Антонина

Светик проснулась с первыми лучами солнца. В комнате было тепло и уютно. Валерий ещё спал, ему удавалось это лучше всего. И она, стараясь не разбудить, тихонько повернулась и обвилась руками, прижимаясь к груди: – «Ах, как же прекрасна жизнь! Зима, снег, милый дом, теплая ком-

ната, яркое ослепительное солнце, любимый милый Валерка, – что так забавно покусывает губы во сне... Он так делает, когда волнуется. Интересно, что ему снится?»

Она ещё немножко понежилась под одеялом, и не выдержав бездействия поползла из под него. Выскользнув, как можно осторожней. Накинула пеньюар, и проследовала в туалетную комнату. Умылась, привела волосы в порядок. ... Нет, это сегодня выглядело не совсем так. Она долго размышляла, что же с ними сотворить эдакое, соответствующее, а затем только, – осторожно, с энтузиазмом приступила к выполнению важной процедуры. Но зато когда это было завершено, её душа осталась довольна. На следующем этапе, она выбрала самое нарядное платье, – из светлого, легкого шелка с мелким ажурным рисунком, втиснулась и зашнуровала корсет. Повертелась около трюмо, по колдовала с косметикой. И удовлетворенная выплыла вон.

Ей исполнялось двадцать. Жизнь складывалась, как нельзя удачно. Было много тепла и любви. И она скоро станет мамой. Они с Валерием станут настоящей полноценной семьей. Ей нравилось, как муж с гордостью сообщал друзьям новость. И краснел от восторга, когда, прикладываясь к животу, ощущая возню первенца. Ах, как же жизнь прекрасна...

Она стала медленно спускаться по ступенькам, придерживаясь за перила. И тут же заметила грандиозные перемены в интерьере. Что приятно порадовало. Какие же всё-таки

Сатурмины не исправимые романтики. Она ни на минуту, не сомневалась в них, почему-то сейчас именно этого и хотелось. Всё так же, как когда-то в детстве.

Родители часто путешествовали, и подкидывали её третьим ребёнком дяди. Но это не огорчало. Она никогда не чувствовала одиночества. Её окружали любящие и чуткие люди. Любимые младшие сестрички. И полная интересных заморочек и событий жизнь. И потому она почти не скучала по родителям. Но всегда была рада их появлению. Они не были плохими. Просто были заядлыми путешественниками. Вот и сегодня их не было рядом, но это не расстраивало. У неё было всё для счастья...

При её появлении зал сразу же наполнился. Каждый спешил поздравить и преподнести свой подарок. Светка благоухала, как майская роза, крутилась и рассыпалась в любезностях. Глаза были на мокром месте. Но она сдерживалась, лишь иногда платочкам смахивала набежавшую слезу: – «Я так вас всех люблю, вы у меня самые лучшие. Вы мой самый лучший приз. Я не представляю, если бы всё было иначе. Мир бы потерял привлекательность».

Семья ждала, когда она развернёт подарки. И затаив дыхание, наблюдала за реакцией. Для Светки было счастьем уже то, что они сделали. Но она не хотела их огорчать, и поэтому развернула по порядку каждый подарок. Что было приятней в двойне. Потому что подаренное говорило, что они её знали. Всё было желанным.

Саша, потратилась по полной... Приобретая подарок сестре... Это было сделано по случаю, и заранее... К губернатору приезжали знакомые из Лондона и Сашу позвали, по-присутствовать.

Глеб Селеванович знал английский, но не хотел недоразумений. Друг то был дорог. И Саша просто консультировала его, поправляя произношение и помогая строить предложения. Лорд Форд был с женой и дочерью. И Саша с удовольствием проводила время в их обществе. Там-то ей и удалось приобрести подарок на этот день. Сама она не пользовалась косметикой, но Светка. Это же чудно как любила всю краску. Но красилась умеренно со вкусом...

Вот там и увидела шкатулку с принадлежностями. Она была великолепна. Раскладывалась, разворачивалась, при этом издавая, приятные мелодичные звуки. И была вся инкрустирована камнями... Саша похвалила, а ей предложили забрать. Лорана, была рада подарить ей её, но Александра согласилась только купить. И теперь с удовольствием и удивление наблюдала восторг сестры. Но восторгалась не только она. В чём и заключался сюрприз.

Каждый подарок готовился тайно и теперь вызывал живой интерес у всех присутствующих. Мама с отцом подарили племяннице удивительный гранатовый комплект: браслет, ожерелье и серьги, в золотой оправе. А Наталья подарила большую коробку шоколадных конфет и не большой, пятьдесят на тридцать, портрет Светки собственной работы,

в красивой золотой резной рамочке. Что вызвало не меньший восторг. Портрет действительно был выполнен мастерски. Светлана была в движении, в своём любимом платье и в окружении обожаемых цветов, как сказочная фея. И тут она не удержалась, обняв сестру, расплакалась от счастья и переполняемой её признательности. Присутствующие расчувствовались, и лишь дождавшись, когда она немного успокоится, разошлись по делам.

Девочки помогли собрать подарки и донести до комнаты. Валерий не спал. И был одет.

Так что процессия проследовала далее и уложила подарки в кресло. А после, девочки смущенно удалились, оставив молодых наедине.

– «С добрым утром, мой рыцарь. Я так скучала в Ваше отсутствие. Я так нуждалась в Вашем присутствии и поддержке»: ворковала довольная и возбужденная Светлана.

– «С добрым утром, дама моего сердца»: подхватил Валерий: – «Я тоже скучал, и мне снился дивный сон. Где Вы играли не последнюю роль. Но, проснувшись, я рядом Вас не обнаружил. Мне было грустно. Я Вас желал. Но Вы упорхнули, как птичка из клетки». Он подхватил и закружил её по комнате. А затем достал золотое колечко с бриллиантом, надел на пальчик. Поцеловал онемевшую жену: – «Поздравляю тебя, любимая. Я счастлив, что ты родилась, и стала моей. Ты как этот чистый сверкающий бриллиант».

Обеденный стол был накрыт в большой уютной столовой. Цветастая яркая скатерть с кисточками удачно дополняла настроение. На столе был праздничный столовый сервиз. И красочно украшенные разнообразные яства. Никто не заставил себя ждать, собрались, не ожидая следующего приглашения. Оживлённо рассаживаясь по местам, делились впечатлениями.

Светка гордо показывала подарок мужа и цвела от счастья. Наташа присела рядом с сестрой, рассматривая колечко, и с легкой завистью шептала: – «Света, как же он тебя любит. Ах, когда же появится мой принц, на белом коне?»

Отец рассмеялся: – «Наташа, какие твои годы? Милая у тебя ещё всё впереди. И Принц, и любовь, и весь мир. Не грусти, какой же принц не заметит такой неповторимой красоты». И он снова засмеялся.

Нет, это не шутка, Таша была утончённа и обаятельна. Толстая русая коса, пышная чёлка и воздушные завитушки по вискам. Огромные темно карие глаза, брови в разлёт. Она была точной копией мамы. Так что смех отца можно было расценить однозначно, он смеялся от удовольствия. И его мнения придерживался каждый за этим столом.

Таша вспыхнула смущаясь: – «Па, вы бы не вводили меня в раскраску. Даже помечтать не дали». И тоже хихикнула.

Угощение вышло потрясающим. Как выяснилось, папин гусь, был сочным ароматным и с золотистой хрустящей корочкой. Мамины пироги и горячее безупречны. А торт Наполеон, над которым колдовали они с Настей всё утро, просто изысканным.

Праздник удался. После трапезы удалились в залу, где можно свободно по вальсировать. И завели граммофон. Светлана легко скользила в танце, подхваченная крепкими руками мужа. Он был не плохим партнёром. И она с удовольствием кружилась, млея от впечатлений.

Илларион Михайлович не преминул пригласить жену и тоже выводил па. Девочки уселись на диванчик у стены, с любопытством наблюдая за танцующими.

Настя удивлённо спрашивала: – «Саша, как называется этот величественный танец?»

– «Это вальс, Настёна. Его танцуют на балах. Нравится? Мне тоже. Красивые легкие движения, как будто летишь»: тихо задумчиво окончила она фразу.

Вскоре молодые, уехали. Дни полетели как обычно, скоро и буднично. Близилась каникулы и рождественские праздники. Но приближался ещё один день. День Сашиного рождения. Она зимородок. Появилась под самый новый год, двадцать девятого декабря. А в этот год ей исполнялось восемнадцать. И девушка испытывала некоторое волнение. Она знала, что всё будет, как всегда безукоризненно. Но какое-то волнение всё же испытывала, ожидалось чего-то большего.

Как-то незаметно втянулась в организацию школьной ёлки. И то отвлекло. Ежегодно родители устраивали этот школьный праздник, что плавно перешёл в городской новогодний бал. Куда под вечер стекалась вся местная знать с подрастающими отпрысками. Но днём здесь шли представления для детей, учившихся в этих стенах. И это было действо захватывающее и не ординарное. Отец приглашал актёров из местного драмтеатра, и те устраивали спектакли на новогоднюю тематику. И они не повторялись.

Вечерами происходило почти тоже. Но с определёнными ограничениями и нюансами. Балы были костюмированными, чем и привлекали скучающую молодёжь. Этот год, как-то все приготовления неожиданно переключались на плечи юной леди. И скучать было просто некогда. Саша часто вовлекала в свои дела Наташу. И они вместе строили грандиозные планы и воплощали в жизнь. Свои костюмы шили сами. Настя с удовольствием помогала этому творческому порыву. И мечтательно замирала на примерках. Ей костюм тоже шили, хотя она и противилась, как могла.

Настя была ровесницей Саши. Но воспитание сотворило из девушки недоверчивое и закомплексованное существо. И новшества вызывали бурную реакцию протеста. Хотя сестры не плохо с ней справлялись.

Зимняя сессия прошла без особенностей. Александра, как всегда её закрыла на отлично и быстро. В школах тоже начинались каникулы. И ёлки...

С самого утра девочки отправились проверить всё ли готово к приёму гостей. Удовлетворившись увиденным, вернулись к обеду домой. Отец с мамой и Настей уже начинали волноваться о причине их отсутствия, когда девочки, наконец, появились на пороге.

– «Всё готово. Можно отправляться на бал. По нашему отсутствию за происходящим проследит Прохор». (Прохор Дементьевич, это как раз из бывших крестьян, – он вёл математику и физику. Удивительной души человек.) И как любил говаривать отец, с восемью пядями во лбу.

С едой разобрались быстро. И разбежались по комнатам переодеваться. Наташа красовалась в костюме феи, вся в розовом и воздушном. Маленькие крылышки искусно свитые из медной проволоки и обтянутые той же тканью, из которой было сшито платье, просто удивительно делали её сказочной, а волшебную палочку, папа стругал сам, и затем выкрасил серебряной краской.

А вот Саша выбрала костюм бабочки. И над ним пришлось повозиться дольше. Платье было шито из тяжелого, тёмно синего бархата. Приталено, а к низу сильно клешено. У самого пола собиралось стильными, крупными волнами. Талию обвивал широкий, голубой, шелковый пояс. Крылья было решено обшивать разными лоскутами легкого, яркого и блестящего шёлка. Конструкция крепилась ремешками к талии, а сверху одевалась на руки, двумя бархатными шлейками.

Теперь Саша стояла только в платье и ломала голову, как же ей уложить длинные косы. Вдруг оживилась, и быстро, быстро заплела два колоска вокруг головы от самого виска, затем собрала их на затылке и вплела в один толстый тяжёлый колос до плеч, закрепила тонкой в цвет платья атласной лентой. А далее волосы просто струились золотыми волнами. Свисая чуть ниже талии.

Наташе волосы укладывала мама с Настёной. Крутили локонны, строили замысловатые замки, так что когда та зашла в комнату Саша восхитилась: – «Наташа, как красиво. Ты настоящая фея».

А Наташа смотрела на Сашу и не могла от волнения произнести ни слова. Перед ней стояла принцесса из сказки, наверно скорее Белоснежка. Золотые волосы, огромные грустные голубые глаза, обрамлённые густыми черными ресницами. Тонкие струйки темных бровей, широкий умный лоб, идеальный носик и большие чувственные губки. Белая тонкая кожа и румяные, как спелое яблоко щёки. Наконец она очнулась и села на кровать: – «Саша, рядом с тобой я дурнушка».

– «Таша, что ты говоришь? Ты самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо знала». Они рассмеялись.

Мама была прекрасной королевой, а отец её мушкетером. Настёне достался костюм матрешки, и он не смущал её сильно. (Что-то родное, русское.) До школы добрались быстро. По этому поводу отец подвёз на машине. Гости собира-

лись. Актёры уже вступили в лицедейство. Детвора, разодетая в яркие ослепительные и не обычные костюмы кружилась, прыгала, бегала охваченная праздничным настроением.

В четыре часа началось представление. В актовом зале стояла под потолок зеленая красавица украшенная гирляндами и игрушками. Большие разноцветные стеклянные шары сверкали от света ярких ламп. А самую макушку украшала яркая голубая звезда. Дед Мороз и его прекрасная юная Снегурочка вступили в игру и всё закрутелось, закружилось.

Преподаватели, родители, вместе с детьми водили вокруг лесной красавицы хороводы. Дети пели, танцевали, рассказывали стихи и получали от щедрого деда замечательные подарки. Ни один ребёнок не покинул зал без подарка. Полтора часа помощники главного виновника торжества, скоморохи, берендеи, и баба Яга со своей свитой, разыгрывали спектакль. Дети были увлечены и задействованы в игру. Когда всё закончилось, расходиться не желали.

Актёров накормили и напоили чаем. И они отправились немного отдохнуть в одну из классных комнат. Зал прибрали и приготовили к новому приёму. У сцены в самом углу вдоль стены расположился длинный стол со сладостями, фруктами и напитками. Преподаватели дружно обсуждали спектакль. Настёна запросилась домой, и Илларион Михайлович, отвёз. Когда вернулся, то на сцене уже расположился небольшой ансамбль музыкантов, – шелестящих нотами,

и готовым в любой момент к музицированию.

Гости стали подъезжать группами и по одному. Саша нацепила крылья. Наташа помогла их расправить и выровнять. На голову надела ободок с усиками, последний штрих, это маска. Молодёжь должна была быть в масках.

Отец подошел в самый последний момент и отвёл Александру в сторону: – «Мы тут с мамой посоветовались, и решили наш подарок ко дню рождения, подарить немного раньше. Можно?» Он держал в руках футляр с драгоценностями. Открыл и продемонстрировал растерянной дочери. Саша была ошеломлена. Такое изящное не броское ожерелье, из белого золота усыпанное не крупными бриллиантами и в том же стиле серьги, и маленькое колечко с бриллиантом чуть покрупней, изящно овитым металлическими лепестками. Она сдернула маску и повисла, на шее у отца.

– «Посчитаем это за согласие. Ну-с, подставляй шею, я застегну ожерелье»: он нагнулся, и со знанием дела закрепил замок. Серьги и колечко, она надела сама.

Родители стояли на входе в залу приветствуя прибывающих. Наташа с сестрой, как подобает фрейлинам подле, – за. Как и ожидалось зал был полон, так что пришлось потесниться. Поколение постарше переместилось в фойе, где предалось обсуждением насущных проблем. Молодёжь расплылась островками, по свободному пространству, шумно веселась.

Зазвучали первые такты музыки, присутствующие оживи-

лись. Появились вальсирующие пары, грациозно скользящие по залу. Наташу отыскал какой-то представительный гусар и не терпящим отказа жестом пригласил на па. А она и не собиралась отказываться, ей этого хотелось более всего. И точёная хрупкая фигурка запорхала следом за партнёром, как бабочка по цветам, легко и просто.

Саша улыбнулась, заметив, как оживились молодые господа при виде сестры.

– «Да, Таша это самая красивая девушка в городе»: подумала она с гордостью, и посмотрела на отца, пытаясь понять, видит ли он это. Но около родителей оживлённо жестикулируя, стоял граф Черкасов, – сосед по имению.

Наверно привёз своих мальчишек. Ещё не успев ничего подумать, она заметила, как через толпившуюся раздетую массу к ней пробивается статный шатен в костюме морского разбойника. И испугалась. Как и в первый день встречи у неё закружилась голова, и перехватило дыхание. Но если сорваться и убежать, будет выглядеть весьма неподобающе. И Саша обречённо опустила глаза в пол. Прислушиваясь к приближающимся шагам.

Андрей заметил сестёр Сатумирных сразу же по прибытию. Но принципы приличия обязывали поздороваться, с каждым знакомым, из присутствующих, и их оказалось не мало.

Тем временем бал начался. Молодёжи оказалось очень даже приличное количество. И чтобы достичь Александры ему

пришлось пробираться так же, как на ярмарке. А она будто бы даже и не стремилась быть замеченной. А встретившись взглядом, он заметил испуг в глазах. Но это не остановило. Она манила к себе, как на лугу первые весенние цветы. И наконец, он её достиг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.